

М. И. ШАПИР

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ИНФИНИТИВНОГО ПИСЬМА

Мне очень лестно, что мое устное замечание побудило А. К. Жолковского написать статью для журнала «Philologica». Но поскольку моя интерпретация двух поэтических строк Шершеневича в этой работе подвергнута сомнению, я считаю нелишним изложить свою позицию несколько подробнее, чем это сделал мой глубокоуважаемый коллега.

В известном смысле его герменевтическая стратегия противоположна творческой стратегии Шершеневича, который осознанно шел на частичную деграмматикализацию поэтического языка. При этом страдало не только глагольное, но также именное словоизменение, что видно даже из тех примеров, которые приведены у Жолковского: *Без него я, как в обруче клоун, // До утра извертеться в кровать*. Ср. еще: *Как медведь в канареечной клетке, // Его голос в Политехнический зал* («Песня-песней», 1920). Наличие образного и синтаксического параллелизма мешает трактовать выделенные формы как грамматически правильный винительный падеж: *клоун в обруче — я в кровать* (вместо *в кровати*); *медведь в канареечной клетке — голос в Политехнический зал* (вместо *в Политехническом зале*). В первом из этих примеров дело усугубляет глагол, управляющий не винительным, а предложным падежом: *извертеться* где? (а не «куда?»).

Очевидно, мы находим у Шершеневича опыты не только «инфинитивного», но и «номинативного письма»; поэтому его экспериментальная поэтика может быть названа «поэтикой начальных форм»: *Лежать сугроб. Сидеть заборы. // Вскочить в огне твое окно* («Московская Верона», 1922). Действия, их участники и обстоятельства здесь представлены предельно абстрактным образом, благодаря чему подобные выражения допускают несколько равновероятных морфолого-синтаксических интерпретаций. *Лежать сугроб*, например, — это и 'лежит сугроб', и 'лежать (лежу, лежит, лежал...)' в сугробе (сугробом, под сугробом...)' . Еще больше синтаксических возможностей, принципиально не сводимых друг к другу, заключается, на мой взгляд, в стихах, которые вызвали дискуссию: *Лечь — улицы. Сесть — палисадник. // Вскочить — небоскребы до звезд* («Принцип поэтической грамматики», 1918). Вот почему я не вполне понимаю, как может показаться «одно-

значным» «отнесение действий к деятелям» в этих предложениях Шершеневича (Жолковский 2002, 261). В любом случае, я не стал бы подыскивать им синтаксически корректные «эквиваленты» — таковых не существует по природе вещей.

В «Принципе поэтической грамматики» я вижу три «свернутых», синтаксически деформированных предложения. Каждое из них заключает в себе грамматически неопределенное соответствие правой и левой части, которое при желании можно «развернуть» в ту или другую сторону. Грамматическая ущербность отчасти восполняется за счет семантики и фонетики. Инфинитивам, называющим три положения тела, соответствуют три уровня городского пейзажа (нижний, средний, верхний): *лечь* — *улицы*; *сесть* — *палисадник*; *вскочить* — *небоскребы*. Кроме того, члены каждой пары связаны созвучиями: 1) *лечь* — *улицы* ([л'] + гласный переднего ряда + глухая аффриката); 2) *сесть* — *палисадник* (парономасия, поддержанная народной этимологией, ср. *полусад*, *полусадник*); 3) *вскочить* — *небоскребы* (звукосочетания [ск] в начале корней).

Семантическое соответствие между уровнями городского пейзажа и положениями человеческого тела дополнительно мотивировано традицией олицетворений, присущих урбанистической поэзии 1910-х годов. Так, у Маяковского, которому подражал Шершеневич, не только «овеществляется живое»: *По мостовой // моей души изъезженной* <...> («Я», 1913), — но и «одушевляется мертвое»: *Подняв рукой единый глаз, // кривая площадь красась* близко («Уличное», 1913). Очеловечение города — оборотная сторона урбанизма: *Лысый фонарь // сладострастно снимает // с улицы // черный чулок* («Из улицы в улицу», 1913); *Улица провалилась, как нос сифилитика* («А всё-таки», 1914); <...> *Улица корчится безъязыкая — // ей нечем кричать и разговаривать; Улица мўку молча пёрла* («Облако в штанах», 1914—1915) и т. д.

По-моему, нет необходимости между членами каждой из трех пар (*лечь* — *улицы*; *сесть* — *палисадник*; *вскочить* — *небоскребы*) непременно усматривать отношения грамматического субъекта и предиката, хотя такая интерпретация имеет право на существование. Однако, вопреки А. К. Жолковскому (2002, 267), я полагаю неправомерной аналогию между предложениями *Вскочить* — *небоскребы* и *Любить это значит дрова* (Кушнер). В предложениях Шершеневича грамматический субъект, если таковой в них усматривать, выражен не инфинитивом, а субстантивом: 'Улицы — это лечь' (а вовсе не 'Лечь — это улицы'). Инфинитивы *лечь*, *сесть*, *вскочить* обладают гораздо боль-

шей «универсальностью», нежели соответствующие им имена *улицы*, *палисадник*, *небоскребы*. Мы же определяем частное через общее, конкретное через абстрактное, а не наоборот: можно сказать, что *голубь* — это *птица*, но нельзя сказать, что *птица* — это *голубь* (ср. также: *Голубь является птицей* и **Птица является голубем*). При этом порядок слов отражает актуальное членение, ничего не меняя в отношениях грамматического субъекта и объекта: *Холм Гиссарлык — место расположения Трои & Место расположения Трои — холм Гиссарлык* (в обоих случаях *холм Гиссарлык* — подлежащее, а *место расположения Трои* — сказуемое; ср.: **Место расположения Трои является холмом Гиссарлык*).

Основной аргумент, который А. К. Жолковский (2002, 261, 267) приводит против моей интерпретации, — это ссылка на другие случаи аграмматичного употребления инфинитивов у Шершеневича. Но сама по себе эта ссылка ничего не доказывает: надо еще убедиться в том, что инфинитивные конструкции в «Принципе поэтической грамматики» и в других стихах Шершеневича синтаксически и семантически тождественны. Однако сделать это непросто, ибо три интересующих нас предложения имеют важные отличительные особенности, о которых в статье Жолковского не сказано ничего. А между тем они свидетельствуют в пользу моей гипотезы.

Во-первых, только в «Принципе поэтической грамматики» инфинитив и номинатив разделены тире — единственным пунктуационным знаком, выражающим идею окказионального «приравнивания». А во-вторых, «исправление» аграмматичных конструкций в соответствии с общепринятой нормой дает в разных случаях совершенно разный эффект. В «Песне-песней» грамматическая «коррекция» приводит не только к синтаксической, но и к семантической прозрачности: *На губах помада краснеет (< краснеть) зарею; Полночь стирает (< стирать) полумрака резинкой // На страницах бульваров прохожих* и т. д. То же самое происходит с предложениями «Московской Вероны», начальные строки которой заключают автореминисценцию из «Принципа поэтической грамматики»: *Лежать сугроб > Лежит сугроб/Лежать в сугробе*. Но в стихах, ставших предметом спора, подстановка личной формы на место инфинитива не проясняет их содержания. Парафразы Жолковского (2002, 261) столь же туманны, как исходный текст — поправка на виртуальность не спасает: «Улицы виртуально ложатся, палисадник виртуально садится, небоскребы виртуально вскакивают»; «Субъект речи виртуально ложится на улицах, садится в

палисаднике, вскакивает при виде небоскребов» (кстати, почему субъект речи вскакивает *при виде небоскребов*, а не *в небоскребах* или *на небоскребы*?). В то же время прочтение инфинитивных конструкций «Принципа поэтической грамматики» как системы грамматически абстрактных корреляций, мотивированных семантически и фонетически, мне кажется, отчасти способствует большему пониманию написанного. По всей видимости, отвлеченный характер «каких-то соответствий» мой коллега тоже чувствует и пытается его передать, заменяя инфинитивы совершенного вида (*лечь, сесть, вскочить*) имперфективными формами настоящего времени (*ложатся/ложится, садится, вскакивают/вскакивает*): ведь глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени, при том что только оно (*présent atemporel, achronistisches Präsens*) способно передать панхронический смысл поэтических сентенций Шершеневича: *Лечь — улицы. Сесть — палисадник. // Вскочить — небоскребы до звезд.*

В заключение хочу подчеркнуть, что считаю предложенное истолкование не единственно верным, а всего лишь одним из возможных, и по-прежнему не уверен, что А. К. Жолковский прав, когда эту возможность, по сути дела, отвергает (2002, 267).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Жолковский, А. К.: 2002, 'Об одном казусе инфинитивного письма: (Шершеневич — Пастернак — Кушнер)', *Philologica*, 2001/2002, т. 7, № 17/18, 261—268.